

БОРЬБА

КЛАССОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Т. РЫСКУЛОВ

ВОССТАНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1916 Г.

Н. СЕЛЕЗНЕВ

О ВОЙНЕ 1812 Г.

Е. ЗВЯГИНЦЕВ

ОТЧЕГО ВЫГОРЕЛА МОСКВА В 1812 Г.

М. ЗЕЛЕНСКИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ И РАСПАД „ИМПЕРИИ РЮРИКОВИЧЕЙ“.

И. РАЗГОН

ГИКАЛОВЦЫ

А. СЕНКЕВИЧ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Е. ЛЕВАНОВСКАЯ

ДРЕВНЯЯ МОНГОЛИЯ

А. БУКШТЕЙН

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В XVI В.

В. АВДИЕВ

ВОССТАНИЕ РАБОВ В ЕГИПТЕ ЗА 2000 ЛЕТ ДО Н. Э.

Д. СВЕРЧКОВ

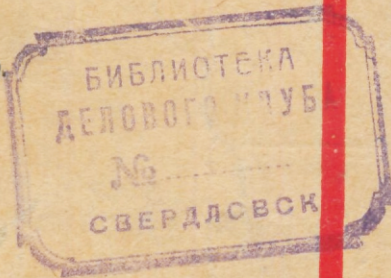
ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

В. КРАСНОВ

„ХОДЫНКА“ (1896—1936).

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

И Ю Н Ь
1936

№

6

Авдиев Всеволод Игоревич

19.10.1898, Москва, — 9.05.1978

советский востоковед, египтолог,
директор Института востоковедения,
доктор исторических наук, профессор

ВОССТАНИЕ РАБОВ В ЕГИПТЕ за 2000 лет до н. э.

1

Еще за две тысячи лет до движения италийских рабов, восставших под начальством Спартака в I веке до нашей эры, в странах древнего Востока, в частности в Египте, вспыхивали крупные восстания рабов, вызванные жестокой рабовладельческой эксплуатацией. Древнейшие из этих восстаний восходят к эпохе перехода от родового строя к рабовладению, когда, по словам Ленина, «появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельцев, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев...»¹.

Одно из крупнейших известных нам восстаний бедняков и рабов произошло в Египте в XVIII веке до нашей эры.

Первые крупные общественные разделения труда, отделение земледелия от скотоводства и впоследствии от ремесла, вызвали в Египте крупный рост производительных сил. Избыточные продукты скотоводства, земледелия и ремесла, поступая на рынок, стали превращаться в товар. Развитие торговли, обогащая одних за счет

других, разрушало патриархальный уклад старой сельской общины, создавая на ее развалинах новые формы нового классового общества. Обедневшие и разоренные члены свободных сельских общин постепенно закабалались и превращались в рабов.

Рост производительных сил давал уже теперь возможность достаточно эффективно использовать в хозяйстве труд военнопленных, которых теперь поэтому стали обращать в рабство, а не убивать, как это делали прежде. Об этом ясно говорит древнеегипетское слово «живой мертвец» (секер-анх), которое служило для обозначения военнопленного. «Живыми мертвецами», очевидно, называли тех военнопленных, которых раньше убивали, а теперь стали сохранять, для того чтобы использовать их в качестве рабов в хозяйстве. Этот факт из истории древнеегипетского языка иллюстрируют известные слова Энгельса: «До сих пор для военнопленных не находили никакого употребления, поэтому их просто убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «экономического» развития пленники приобретают цену, им оставляют жизнь и пользуются их трудом... Рабство было найдено»².

По мере роста производительных сил и развития рабства все больше увеличивалось количество избыточного продукта, что, в свою очередь, влекло за собой развитие торговли. Плодородная почва долины, орошаемая периодическими разливами гигантской реки Нила, и широкое развитие ирригационной системы давали египтянам возможность собирать огромные урожаи и даже вывозить избыточные продукты земледелия в соседние страны. В свою очередь, египтяне ввозили те виды сырья, которых в Египте было мало или совсем не было: главным образом металлы (медь, олово и железо) для изготовления оружия и орудий производства, а также же дерево. Уже в древнейшей египет-

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 369. М. 1932.

² Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 128—129. М. 1932.

Обработка металла. Фреска из гробницы Рехмира. Египет. 2-е тысячелетие до нашей эры.

ской летописи, начертанной на камне, который хранится в Палермском музее, мы читаем о древнейших экспедициях египтян в соседние страны за необходимым им сырьем. Так, под годами царствования фараона Снофру (около 3500 лет до нашей эры) в этой летописи стоит: «Доставка сорока кораблей, груженных кедровым лесом»¹, который обычно привозился из Сирии.

А несколько далее, в той же летописи, под годами царствования фараона Сахура (около 3000 лет до нашей эры), мы читаем о том, что были привезены: из страны малахита... (6000)... Пунта, 80 000... мирры (6000)... электрума [естественного сплава золота с серебром. — В. А.] (2600)... досок².

Медь, начиная с архаической эпохи, египтяне получали главным образом с Синайского полуострова и из восточной пустыни. В югозападной части Синайского полуострова были обнаружены древние медные рудники, тут же были найдены медная руда, большое количество шлака, остатки горна, разбитые плавильники, формы для отливки и множество надписей, восходящих к эпохе первых династий фараонов. Знаменитые ливанские кедровые деревья, которые тогда считались лучшим строевым лесом, египтяне получали из Сирии, по большей части из крупного сирийского торгового порта Библа. Раскопки, производившиеся на месте этого древнего города, обнаружили остатки большой

египетской колонии с развалинами египетских храмов, где было найдено множество египетских предметов, восходящих вплоть до эпохи Древнего царства, что ясно говорит о том, что уже начиная с этого времени Египет поддерживал торговые отношения с Сирией³.

Наконец, потребность в живой рабочей силе, т. е. рабах, заставляла египтян во время этих торговых и военных экспедиций захватывать большое количество рабов. Мы читаем об этом уже в надписях эпохи первых династий. Так, фараон Нармер «взял в плен 120 000 повстанцев» в ливийских номах западной Делити. Фараон 2-й династии Хасехемуи в «год битвы и поражения севера взял в плен 47 209 человек». Далее, в анналах Палермского камня мы читаем, что Снофру «опустошил страну негров». Доставил оттуда 7000 живых пленников и 200 000 голов крупного и мелкого рогатого скота. Наконец, вельможа 6-й династии Уна в своей надписи сообщает о том, что египетское войско вернулось после похода, «приведя с собой великое множество живых пленников».

Большие оросительные работы, произведенные в Египте в начале второго тысячелетия до нашей эры, и осушение значительной части оазиса Фаюма увеличили количество пахотных земель в Египте, вызвав значительное развитие земледелия в стране. Это обстоятельство, так же как

¹ I. H. Breasted «Ancient Record's». V. I, p. 66.

² Там же, стр. 70.

³ Montet «Byblos et l'Egypte», p. p. 68—70. Paris. 1928.

и развитие различных ремесел обогатило Египет и послужило толчком к дальнейшему росту торговли в эту эпоху, называемую временем Среднего царства.

Торговые связи Египта с Сирией стали еще более прочными чем раньше. Торговые экспедиции и путешествия нашли свое отражение даже в художественной литературе и живописи; так, в «Рассказе Синухета» описывается путешествие вельможи Синухета в Сирию; на стенах одной гробницы в Бени-Хассане изображено 37 человек из племени «аму» (южная Сирия), которые во главе со своим вождем Ибша явились к египетскому вельможе, правителю пустынной области, *доставив ему свои товары и дары*¹.

Одновременно с развитием торговли с Сирией усиливались также торговые связи Египта со странами, прилегающими к его южным границам. Уже при фараонах 11-й династии (около 2000 лет до нашей эры) египтяне колонизовали восточные оазисы и побережья Красного моря, открыв себе таким образом путь к тому морю, которое соединяло Египет с Аравией и с Восточной Африкой. При фараоне Сенусерта II египтяне покорили всю Нубию вплоть до Семне и Кумме и колонизовали эту страну, которая влекла их к себе своими природными богатствами и особенно золотыми рудниками. Завоевав Нубию и укрепив свою южную границу рядом крепостей, египтяне сделали попытку дальнейшего продвижения на юг, в области Восточной Африки, в страну, называемую Пунт, или «Страна богов» (Та-Нетер). Отсюда египтяне стали вывозить ценные для них колониальные товары: черное дерево, страусовые перья, слоновую кость, золото, электрум, мирру, и, наконец, рабов.

Описание одной такой экспедиции в Пунт сохранилось в надписи царского казначея Хену (около XXI века до нашей эры): «Мой господин послал меня снарядить корабль в Пунт, чтобы доставить ему свежие благовония от вождей Красной земли ради страха перед ним в высоких странах. Я вышел из Копта по дороге, указан-

ной царем. Со мной было войско юга от Оксиринха до Гебелена. Я пошел с войском в 3000 человек... Для каждого было 2 сосуда воды и 20 хлебцев на каждый день. Ослы были нагружены сандалиями. Я сделал 20 колодцев в кустах и 2 колодца в Идехте в 20 и 31 кубических локтя. Достигнув Черного моря, я выстроил корабль и отправил его со всем необходимым... Потом, вернувшись с моря, я исполнил поручение царя и доставил ему все дары, найденные мной в земле бога»².

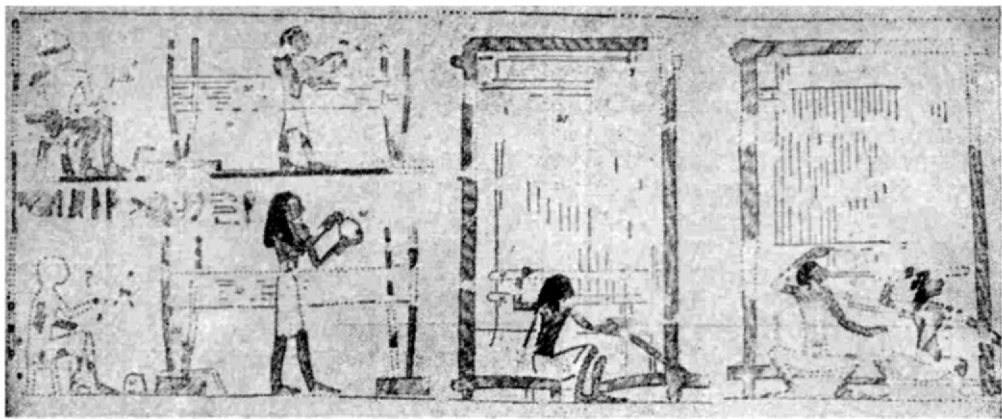
Наконец, в эту же эпоху египетская торговля стала постепенно проникать и в районы островов, расположенных в восточной части Средиземного моря. *Египетские надписи этой эпохи* сообщают о сношениях Египта с племенами ханебу, как называли египтяне народы, жившие на островах Средиземного моря. Это подтверждается также и раскопками. Так, в развалинах города Сенусерта II, близ его пирамиды, у входа в оазис

² Б. А. Тураев «История древнего Востока». Т. I, стр. 215. М. 1935.

Фараон, побеждающий своего врага. Таблица Нармера. Каирский музей.

¹ Lepsius «Denkmaeler». II, 133. Newberry. Beni Hasan, I, 28, 30, 31, 38.

Ткачи и ткачихи. Египет.

2-е тысячелетие до нашей эры.

Фаюм, были найдены черепки сосудов типа Камарес, изготовлявшихся на о. Крите.

Широкое развитие торговли, пока еще очень примитивной, вызвало к жизни целый ряд городов. С течением времени в этих городах стали образовываться и численно возрастать средние слои городского населения, состоящие из мелких ремесленников и торговцев.

Расширилась также военная деятельность Египта. Стремление к захвату рынков сырья и сбыта своих товаров, а также к завоеванию все новых масс рабов, необходимых в связи с ростом земледелия и ремесла, заставило египтян вести упорные войны с соседними народами, главным образом Сирии и Нубии. Результатом этих войн было обогащение аристократии и увеличение количества рабов в стране.

2

Жестоко эксплуатируемые своими господами, рабы и средние городские слои, угнетаемые правящей аристократией, образовали мощную социальную основу одного из древнейших известных нам из истории восстаний рабов и бедняков, описание которого сохранилось на хрупких листах одного из дошедших до нашего времени папирусов (Лейденский папирус № 344)¹.

¹ Текст этого папируса переведен и снабжен интересными комментариями в книге акад. В. В. Струве «Речение Ипу-

Насколько мы можем судить по плохо сохранившемуся тексту этого папируса, восстание произошло в Египте в ту эпоху, когда Египет был завоеван каким-то иноземным племенем, весьма возможно гиксами, которые, как мы знаем по целому ряду других надписей и свидетельств, явились в Египет из Азии и завоевали большую часть Египта в XVIII веке до нашей эры.

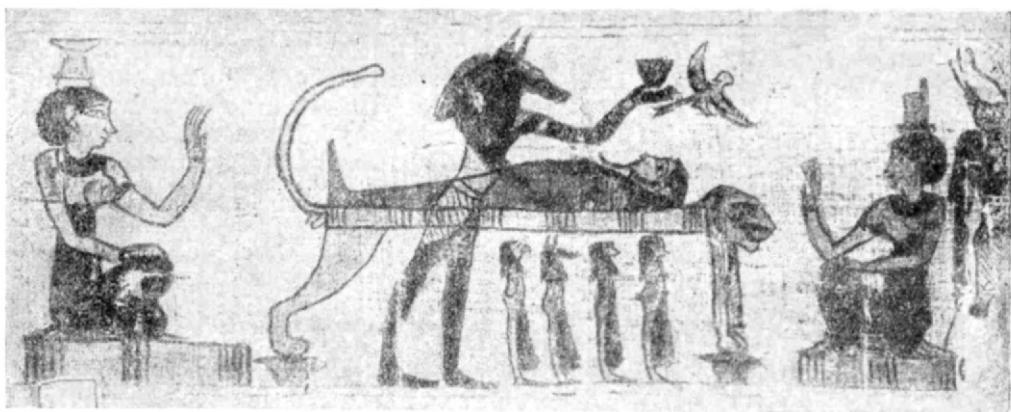
«Жители пустыни стали людьми (т. е. египтянами.—В. А.) во всяком месте»²,—говорит папирус об этих завоевателях Египта.

Египетские аристократы, стоя на своей «расовой» точке зрения, считали «людьми» только египтян, на всех же иноземцев они смотрели как на представителей низшей расы, как на будущих возможных рабов, предназначенных для того, чтобы работать на египтян. Поэтому, только завоевав Египет, эти «жители пустыни» смогли стать в Египте «людьми», т. е. получить равные права с египтянами.

В другом месте Лейденского папируса еще яснее говорится об этом завоевании и опустошении Египта иноземцами: «Вот пустыня (буквально — Красная земля.—В. А.) стала во всей стране. Области опустошены. Иноземное племя пришло в Египет... нег

вера». М. 1935. В. М. Викентьев в «Революция в древнем Египте». «Новый Восток». № 1. М. 1922. Текст папируса цитирую по научному изданию: А. Н. Gardiner «The admonitions of an egyptian sage from a hieratic papyrus in Leiden». (pap. Leiden 344-recto). Leipzig. 1909.

² Pap. Leiden 344-recto, стр. I, строка 9.

Бальзамирование.

Папирус. Музей изобразительных искусств.

уже больше людей ни в одном месте»¹, — с горечью в сердце восклицает Ипувер, очевидно, представитель реакционной и патриотически настроенной египетской аристократии, от имени которого описывается восстание.

Именно в эту эпоху завоевания Египта иноземцами, в силу обострившихся социальных противоречий, трудящиеся массы восстали против своих вековых угнетателей и сделали смелую попытку подорвать их социально-экономическую мощь. Текст Лейденского папируса ясно вскрывает социальный характер этого восстания:

«Знатные люди в тоске, а бедняки полны радости. Каждый город говорит: давайте изгоним сильных из нашей среды»².

К беднякам из городов и деревень и к средним слоям городского населения присоединились и рабы.

«И вот все рабыни стали свободны в своих речах».

«...Рабы становятся господами рабов»³.

Восставшие свергают власть своих господ и захватывают их имущество, причем наиболее энергичным из них удается сосредоточить в своих руках довольно значительные богатства. Здесь перед нами блестящая иллюстрация к словам Энгельса: «Все бывшие до сих пор революции были революциями в целях защиты одного вида собственности против другого ви-

да собственности»⁴. Ипувер не жалеет красок для того, чтобы обрисовать грандиозное перераспределение собственности, которое характеризует этот древнейший известный нам в истории социальный переворот:

«И вот бедняки становятся владельцами драгоценностей. Тот, кто не мог себе сделать сандалий, владеет теперь сокровищами...»

«Золото и лазурит, серебро и малахит, сердолик и бронза, камень из Ибхата и... висят на шее у рабынь. А знатные женщины бродят по стране, и владычицы дома говорят: «Ах, если бы у нас было что поесть!...»

«Бьют палками тех, кто был одет в тонкие льняные ткани...»

«Вельможи голодают, они в отчаянии. А слугам прислуживают...»

«У хорошего человека бедняк отнимает его имущество... Тот, кто не мог раньше себе сделать саркофага, владеет ныне гробницей...»

«Вот что происходит теперь с людьми: тот, кто не имел раньше даже хижины, владеет теперь домом...»

«Тот, кто никогда раньше не спал внутри стен, стал теперь владельцем кровати. А владелец сокровищ проводит теперь ночи, страдая от жажды, в то время как тот, кто выпрашивал его подонки, стал теперь владельцем кувшинов, полных опрокидывающего (т. е. крепкого.—В. А.) пива...»

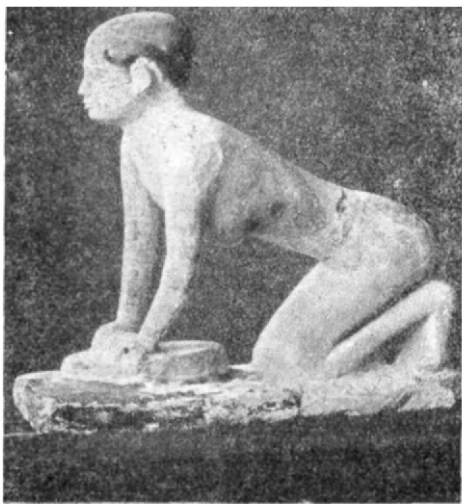
«Владелец роскошных одежд одет теперь в лохмотья. А тот, который

¹ Pap. Leiden 344-recto, III—1.

² Там же, II—7.

³ Там же, IV—13; VI—7; VI—8.

⁴ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 115. М. 1932.

Рабыня, размалывающая зерно.
Статуэтка. Каирский музей.

раньше никогда для себя не ткал, стал теперь владельцем тонкой льняной ткани».

«Тот, кто раньше себе никогда не строил даже лодки, стал теперь владельцем кораблей».

«Тот, кто раньше не имел даже тени, стал теперь владельцем тени. Тот, кто раньше не имел никакой собственности, стал теперь владельцем сокровищ. Вельможи хвалят его».

«Бедняки в стране стали богачами, а владельцы имуществ превратились в людей, не имеющих ничего»¹.

Это красочное в своей конкретной образности описание социально-экономического переворота, произошедшего в ту эпоху в Египте, дает нам яркое представление о его размерах и глубине. Вся страна всколыхнулась до самых низов. Разбуженные массы подняли грозное знамя восстания. Автор лейденского текста, как бы пытаясь в одной фразе охарактеризовать социальный смысл произошедшего переворота, говорит: «Страна перевернулась, как на гончарном круге»².

Но мало было свергнуть богачей и произвести перераспределение собственности. Для того чтобы закрепить за собой плоды своих побед, надо бы-

ло сломать аппарат векового гнета и принуждения, то бюрократическое и деспотическое государство, которое в течение тысячелетий охраняло интересы правящего класса рабовладельцев. Неслыханное в истории древнего Египта посягательство восставших масс на непререкаемый ранее авторитет аристократов, государственных учреждений, суда и даже самого обоготворяемого царя в ярких словах описано в тексте Лейденского папируса. Это ослушание власти начинается с отказа населения платить подати. За этим следует уничтожение документов, узаконявших жестокие формы вековой эксплуатации.

«К чему нужно казначейство без податей?» — восклицает возмущенный неповиновением масс Ипувер.

«Прекрасна судебная палата, но из нее расхищены документы». «Открыты канцелярии. Расхищены из них податные списки. Рабы становятся господами рабов. Чиновники убиты, их документы расхищены. Скорбно мне вследствие бедствий этого времени. У писцов счета урожая уничтожены документы. Зерно Египта стало общим достоянием. Свитки заголов выкинуты из судебной палаты. Люди топчут их на перекрестках, а бедняки вскрывают их на улицах. Бедняк достиг положения, равного положению девяти богов. Разоблачены тайны судопроизводства Дома тридцати вельмож. В Великой судебной палате толпится народ. Бедняки ходят взад и вперед в Великих Домах»³.

Но своей высшей точки восстание достигло в тот момент, когда массы ворвались в царский дворец и свергли с престола царя. В своем протесте восставшие выбрасывали из царских усыпальниц мумии умерших царей, которых жрецы объявляли богами, для того чтобы внушить массам уважение к непререкаемому авторитету «безгрешного» царя.

Так восставшие сделали смелую попытку порвать с древним культом обоготворения царей и освободиться от той древней религии, которая им навязывалась жрецами.

С ужасом рассказывает об этом Ипувер:

¹ Pap. Leiden, II—4, II—5, III—2, III—3, IV—8, 9, V—2, 3, VII—7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, VIII—1, 2.

² Там же, II—8.

³ Там же, VI—5, 6, 7, 12.

«Происходят события, которые никогда не происходили с древнейших времен. Бедняки похитили царя. Тот, кто был погребен, как сокол (бог Гор), лежит теперь на носилках. То, что скрывала в себе пирамида (гробница царя), теперь пусто.

И вот дело дошло до того, что несколько беззаконных людей лишили страну царской власти.

Люди восстали против царской змеи (диадемы—знака власти царя.—В. А.), умиротворяющей обе страны.

Тайны страны, границы которой были неведомы, разоблачены. Столицу разрушили в одно мгновение... Тайна царей Верхнего и Нижнего Египта разоблачена»¹.

Это восстание против царя и царской власти кажется египетскому аристократу настолько чудовищным и невероятным, что он пытается его объяснить тем, что якобы «несколько беззаконных людей» подстрекнули к этому делу, неслыханному в истории Египта, трудовые массы населения.

Совершенно так же пытается объяс-

нить в своем «Поучении» восстание против царя Аменемхет I: «Неужели женщины подготовили сражение? Неужели борьбу подготовили внутри дворца? Неужели граждан обманули, введя их в заблуждение относительно этого дела?»².

Разрушение старого государственного аппарата, в значительной степени регулировавшего всю хозяйственную жизнь страны, и грандиозное перераспределение частной собственности, стихийно произведенные восставшими массами, должны были неминуемо вызвать острую экономическую разруху, конечно, несколько преувеличенную консервативно настроенным автором папируса. Последний не скрывает своего злорадства по поводу того, что восстание кончилось народными бедствиями и массовым голодом.

Уничтожение аппарата власти вызвало появление бандитских шайк во всей стране. Вся страна наполнилась грабителями: «Даже привратники стали говорить: «Пойдем и станем грабить».

² А. Erman «Literatur der Aegypten», S. 108. Leipzig. 1923.

¹ Pap. Leiden, VI—1, VII—6.

Выделка глиняных сосудов. Рельеф из гробницы Кенамона. 2-е тысячелетие до нашей эры.

Голова мумии.
Гос. музей изобразительных искусств. Москва.

Хозяйство страны стало приходить в упадок. Боясь потерять урожай, владельцы полей перестали вспахивать землю.

«Нил разливается, но никто уже больше не пашет. Каждый человек говорит: «Ведь мы не знаем, что творится в стране»¹.

Так как земледелие занимало преобладающее положение во всей экономике страны, то, естественно, что кризис в земледелии должен был вызвать общую экономическую разруху и повлечь за собой массовый голод. В описании этого восстания и его последствий мы читаем о том, что люди начинают питаться травой, отнимают пищу даже от свиньи и не гнушаются всякими отбросами; даже птицы больше не находят себе пропитания.

Такой же застой охватывает и ремесло. Ремесленники перестают работать. Замирает и торговля, которая так пышно расцвела в предшествующую эпоху экономического подъема Египта. Прекращение внешней торговли особенно больно ударяет по аристократии. Ипувер с горечью кон-

статирует: «Люди уже теперь больше не плывут на север, в Библ. Откуда нам достать кедры для наших мумий? Ведь в саркофагах из них хоронили жрецов и их смолой бальзамировали тела вельмож вплоть до страны Кефтиу (о. Крит. — В. А.). Но их теперь уже больше не доставляют. Ведь не хватает золота. Большим событием кажется, когда приходят из оазисов люди со своими праздничными благовониями, со свежими растениями и с птицами»², т. е. с теми товарами, которые, очевидно, доставлялись в Египет из близлежащих оазисов. В этих словах Ипувера ясно звучит ирония, так как торговля Египта с оазисами, конечно, занимала раньше незначительное место в общей системе внешней торговли Египта. В результате смуты, экономической разрухи и анархии, воцарившейся в стране, Египет потерял богатые рынки в Сирии и Нубии.

Но если волны этого восстания колебали до самых основ устои рабовладельческого общества, частную собственность и государство, то вполне естественно, что одновременно с этим они должны были затронуть и третий устой древнейшего классового общества—патриархальную семью, которая в значительной степени способствовала сосредоточению в руках немногих аристократов крупных богатств и в то же время была оплотом жесткой рабовладельческой эксплуатации трудовых масс. На это значение патриархальной семьи, внутри которой зарождались древнейшие, еще скрытые формы патриархального рабства и которая в своем росте разрушала старый родовой строй, ясно указали в своих трудах классики марксизма. Так, Энгельс в «Происхождении семьи» писал:

«С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено падением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. Но это создало трещину в древнем родовом строе:

¹ Pap. Leiden, II—3.

² Там же, III—6, 7, 8.

отдельная семья сделалась силой и угрожающе поднялась против рода»¹.

Еще яснее вскрыто социально-экономическое значение патриархальной семьи в «Немецкой идеологии»: «Вместе с разделением труда,— в котором даны все эти противоречия и которое, в свою очередь, покоится на естественно возникшем разделении труда в семье и на распадении общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи, дано и распределение, притом неравное, как количественно, так и качественно, распределение труда и его продуктов, т. е. собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети находятся в рабском подчинении у мужчин. Рабство в семье — правда, еще очень примитивное и скрытое — есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне отвечает определению современных экономистов, согласно которому она есть распоряжение чужой рабочей силой»². Целый ряд конкретных фактов из истории древнего Востока³ прекрасно иллюстрирует четкие характеристики древнейшей патриархальной семьи, данные в трудах основоположников марксизма. Мощная патриархальная семья действительно была оплотом классового строя в эпоху перехода от родового строя к рабовладению. Поэтому естественно, что во время великой смуты, разделившей на два враждебных лагеря все древнеегипетское общество, эта патриархальная, ранее крепкая и сплоченная семья должна была распасться на тех «больших» и «малых», о которых говорят некоторые древнеегипетские тексты: «Малые», т. е. младшие, поработанные члены патриархальных семей, воспользовавшись социальной смутой, смогли восстать против «больших», т. е. своих господ.

Возникают раздоры, и «отец смотрит на своего сына как на своего вра-

га»⁴, так как в патриархальной семье сын был прирожденным рабом своего отца.

«Человек бьет своего брата от своей матери»⁵, видя в нем также своего врага, может быть, потому, что он, старший сын, унаследовал от своего отца все семейное имущество и занял после его смерти положение господина и неограниченного владыки в патриархальной семье.

В другом, похожем тексте, также описывающем какой-то крупный социальный переворот, мы находим не менее красноречивое указание на эту жестокую борьбу, которая в годы смуты воцарилась в патриархальной семье:

«Я покажу тебе сына врагом, брата—противником и человека, убивающего своего отца»⁶.

Здесь рушился последний устой казавшегося столь прочным рабовладельческого общества. И под влиянием всех этих событий, которые казались аристократу непоправимыми бедствиями, неизбежно влекущими за собой полную гибель всей страны и всей древней тысячелетней культуры, в сердце его воцарялся великий, чисто психологический ужас, отчетливо переданный в ярких словах образного древнеегипетского текста:

«Порядочный человек ходит погруженный в скорбь вследствие того, что происходит в стране»⁷.

Этот великий психологический ужас толкает людей на самоубийство, заставляет их бросаться в пасть к крокодилу:

«Крокодилы и рыбы-афипа хватают людей: ведь они сами добровольно идут к ним навстречу, так как это зло (т. е. смерть) для них ничто. Людям говорят: «Не иди сюда, смотри: здесь вода». Но люди ступают по земле как рыбы. Боязливый человек не отличает земли от воды, охваченный ужасом»⁸.

⁴ Pap. Leiden, I—5.

⁵ Там же, V—10.

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 163. М. 1932.

² К. Маркс и Ф. Энгельс «Немецкая идеология», стр. 22—23. М. 1933.

³ В. Авдиев «Рабовладение на древнем Востоке», стр. 16—18. «История в средней школе» № 2. М. 1934.

⁶ В. В. Струве «Papyrus, 1116—В и пророческая литература Египта». Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук. Т. I, стр. 215. Л. 1925.

⁷ Pap. Leiden, I—8.

⁸ Там же, II—12, 13.

В эти годы непрерывных смут реакционно настроенному аристократу жизнь кажется настолько невыносимой, что, по его мнению, всем людям смерть должна казаться желанной избавительницей от страданий. Резко преувеличивая бедствия страны, видя все в черном свете, аристократ вкладывает свои собственные мысли и переживания в уста изображаемых им людей, говоря, что

«...и великий и малый одинаково говорят: «Я хотел бы умереть». Даже маленькие дети говорят: «Он (т. е. отец) не должен был давать мне жизнь»¹.

Панический ужас наводит на аристократа шумящая толпа, которая должна была раньше смиренно молчать и лишь гнуть спину. Люди сняли печать молчания со своих уст и стали громко, во всеуслышание, заявлять о своих правах. Бряцание оружия и гул битвы наполнили своими отзвуками весь Египет, некогда хранивший торжественное молчание городов мертвых и пышных гробниц. И этот шум восставшего народа невыносим для ушей аристократа, привыкшего к тишине царского дворца. Он казался ему грохотом гибнущего мира.

«Слишком много шума в годы шума!» — восклицает он.

«Нет конца шуму. О если бы земля замолкла, и прекратился бы шум, и не стало бы больше смятения!»².

«Погибло все!» — с ужасом и в смертельном страхе перед надвигающейся лавиной восклицал человек, который в этом восстании видел для себя и своего класса неминуемую гибель.

Но еще не пробил час смерти этого рабовладельческого общества, ибо еще не созрели социально-экономические предпосылки для его крушения.

Еще слишком крепки были пережитки старого родового строя и недостаточно обострились социальные противоречия в новом классовом обществе. Этот социальный переворот привел лишь к перераспределению собственности, обогатив одних и разорив других. И для защиты новых собственников снова понадобились старые формы государства и старые формы классового угнетения. Средние слои городского населения воспользовались смутой для личного обогащения. А рабы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть социальной борьбы, еще не были достаточно организованы для того, чтобы добиться улучшения своего материального и политического положения. Рабы остались попрежнему рабами, и когда аристократы, опираясь на средние городские слои, обогатившиеся во время смуты и начавшие уже страдать от экономической разрухи, восстановили в стране старый государственный аппарат — старую машину угнетения и насилия, — рабы, разобщенные и несплоченные, принуждены были снова подчиниться своим вековым угнетателям.

Так окончилось одно из древнейших известных в истории восстаний бедняков и рабов, которое явилось предвестником тех великих революций рабов, которые значительно позднее, в эпоху Римской империи, потрясли до самых основ рабовладельческое общество, той великой революции рабов, которая, по словам Сталина, «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами»³.

³ Речь И. В. Сталина на I всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 года. «Вопросы ленинизма», стр. 527. Партиздат. 1934.

¹ Pap. Leiden, IV—2, 3.

² Там же, IV—1, 2, VI—1.